

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Тесла	7
2. Казино	19
3. Икея.....	45
4. Белая дача	58
5. Русский дом.....	303
6. Мясо	319
7. Визаран.....	337
8. Мы были детьми	356
9. Народно позориште	375
10. Суд.....	397

ТЕСЛА

Длинные-длинные коридоры. Аэропорт «Никола Тесла», Белград.

Великий изобретатель только родился и вырос в сербской семье, а потом переехал за океан, отделяясь письмами от близких и друзей. Однако город им гордится. Так утверждал путеводитель — за полет Аня пролистала тощую книжицу дважды, загибая уголки страниц с маршрутами. Будто едет в отпуск.

Спать всё равно не получалось — по спинке кресла стучал ребенок, белобрысый трехлеток. Колотил, а когда мать шепотом просила его прекратить, раздражался плачем. Несмотря на ночной рейс, детей было много — вскоре надрывался и захлебывался уже весь салон.

Бортпроводницы сновали со стаканчиками воды на подносах. На сиденье через проход от Ани от их беготни трепетала оставленная кем-то газета.

Старик у окна, спустив очки на кончик носа, уставился в книгу. По тому, как он перелистывал страницы, — казалось, и не читает вовсе, а на каждом развороте ведет счет до ста, чтобы сохранить невозмутимый вид.

Аня засунула путеводитель в карман сиденья. Закрыла глаза, задремала.

Очнулась — от жидких аплодисментов. Пошлый ритуал, но пилоту в самом деле — спасибо: посадка вышла мягкая, Аня и толчка не почувствовала. Теперь жалела, что не увидела Белград сверху; интересно, на что похожа его огненная карта? Она любила разглядывать в иллюминатор паутины городов, особенно горящее колесо ночной Москвы.

Отсюда, из гулкой пустоты коридоров аэропорта, по которым шагала лишь горстка людей (видимо, женщины с детьми застряли в очередях в туалеты), суета, толкотня в «Домодедово» показалась ей родной, необходимой. Даже стены «Николы Теслы» не были увешаны рекламой. Раза два Ане встретились настенные часы, таблички «Izlaz» (выход) и что-то про багаж. На траволаторе ехала вдоль длинной летней фотопанорамы Белграда: крепость над рекой, зеленеющий склон, по небу — алая полоса.

Следующий траволатор миновала быстрым шагом.

В зале, где получают багаж, выдохнула с облегчением. Он был полон народу, звучали объявления

диспетчеров, скрежетали тележки, на которые грузили гигантские чемоданы. Прямо шкафы с дверцами на молниях. Пахло кофе, волочился за кем-то шлейф духов. На Аню то и дело наплывали лица с рыскающими, высматривающими что-то глазами. Руки матерей оттягивали дети и сумки. Поверх тележки с чемоданами-шкафами кто-то водрузил еще клетку с собакой, видимо, летевшей в багажном отсеке. Хозяина, толкавшего тележку, Аня уже не разглядела: на ленту выкатился ее чемодан.

Стоя над лентой в позе вратаря, Аня зачем-то принялась вспоминать, что именно упаковала — все-таки неизвестно, когда они с Русланом смогут вернуться.

— Чего зависла! — женщина, отпихнув ее, стаскивала с ленты клетчатый «шкаф».

Аня хотела огрызнуться, но клетчатый шлепнулся на пол, раскрылся домиком. Из-под «крыши» испуганно выглянули детские колготки с бордовыми грибами, юбка гармошкой, зеленая, атласная, пухлый край постельного белья или одеяла. Потянуло душным запахом чужого жилища: смесью стирального порошка, затхлои верхней одежды и будто едой. Аню оттеснили от ленты, женщину, сначала опешившую, а потом с трудом перевернувшую чемодан и кидавшую туда растрепанные вещи, люди обходили с обеих сторон.

Аня прошла зеленый коридор. Нечего декларировать.

Встречающие стояли полукругом. Таксисты спокойны, присматриваются, повторяют иногда без выражения «такси-такси», похоже на «кыс-кыс». Водители трансферов, напротив, выслуживаются, повыше поднимают свои таблички, на одной — несуразное: «Нада Потапов» черным маркером. А вот и родственники. Встречают в основном мужчины. Они без табличек, разумеется. Машут руками, цветами. Не исключено, что часть вещей в чемоданах — для них. Мужчины собирались второпях, улетали налегке. Аня прихватила Руслану пуховик, а вот книги и потрепанную распечатку романа пришлось выложить. Не влезли.

Из-за спины могучего таксиста вышел Руслан. Муж.

Они не виделись полгода. Шесть с половиной месяцев, как он в Белграде. Когда созванивались, Аня сразу отключала видео: «Чтобы связь получше». Руслан показывал себя, съемную квартиру, реку, полки в супермаркетах (и ценники), даже желтые платаны по осени. И хотя изображение было четким, Аня просила видео отключить, говорила: «Ой, ты зависаешь» или «Ты прерываешься».

Теперь она видит Руслана живую. Высокий, небритый, рыжие волосы отросли, прикрыли уши и поблекли (возможно, из-за освещения), блестящие карие глаза, которые она любила, потускнели и припухли. Вообще, лицо Руслана, всегда подтянутого, теперь показалось одутловатым; у него округ-

лились щёки, под худи с логотипом его компании наметился живот. Раньше в нем всегда чувствовалось что-то западное, что-то от латыша или белоруса. Рыжина, спокойствие, стройность. Эта округлость совсем ему не идет. Вспомнилось, что в родном Серпухове тощих мужиков с пузцом называли «беременный гвоздь».

Но он по-прежнему высокий, надежный. Не опоздал. Встречает.

Аня прерывисто вздохнула, побежала к Руслану. Обнялись.

Перехватив у нее ручку чемодана, споткнувшись о колесико, Руслан сказал:

— А мне мама твоя звонила, спрашивала: ты долетела?

— У нее полтретьего.

— Переживает.

Потом ждали такси. На автостоянке у аэропорта — не то ремонт, не то стройка: поодаль растрескивались искры сварки. Пахло сырой землей и чуть-чуть гарью. Тут и там мелькали огоньки сигарет.

Но все-таки земля победила другие запахи, обещающая весну. И на остановке люди стояли без курток, в кедах. Руслан тоже налегке, а ведь на улице декабрь. Аня одна была в зимних сапогах. У входа в «Домодедово» мороз щипал за щёки, взлетали в метель. Лучше бы книги привезла.

В машине Руслан стучал пальцем по стеклу, бросая пустые для Ани названия: «Сурчин, Новый Бел-

град, а там — Зёмун и Гардош, их не видно». В темноте проплывали фонари, незнакомые вывески. Витрины — черные, дома набиты темнотой, на высотке кириллицей написано то ли «банковская почта», то ли «почтовый банк». Руслан сказал, что и сам половины не знает, за полгода раза два выбрался по городу погулять.

— Видишь киоск? Купи там завтра транспортную на автобус.

— «Само секунд»? Это что?

— Карту можешь не прикладывать, все зайцами ездят. Но мне так спокойнее.

Руслан взял ее за руку. Аня сразу вспомнила эту ладонь — сухую, горячую. Когда начали встречаться, три года тому, была поздняя осень, у нее мерзли пальцы — и он грел их в горсти; сначала пытался растирать, потом понял: это такая особенность, малокровие, — и просто прятал ее кисти в своих и держал. В кино, на улице, в лифте, дома. Неважно. Их телефоны тогда вечно пиликали или жужжали виброзвонками — они не замечали. Это фон. Всё вокруг было лишь фоном. Даже в машине, на механике, как-то умудрялся: вел одной левой, через руль тянулся к рычагу передач. Его правая держала Аню.

Теперь они сидели на заднем сидении просторного салона. Было мягко, радио мурлыкало. Руслан снова держал ее руки. Телефон в его кармане тренькал и тренькал уведомлениями. Он не пытался про-

верить, кому из коллег не спится. Смотрел на Аню. Но ее руки оставались ледяными.

— Ответь лучше. Я в карманах погрею.

Нехотя отодвинулся. Достал телефон и писал кому-то, пока не приехали.

Двор был пустой. В свете тусклых фонарей дом показался Ане знакомым. Это их шестнадцатизэтажка в Москве, по Днепропетровской, — только ту высотку, серую, с белыми балконами, здесь положили набок. То, что было верхним этажом, стало крайним подъездом.

Дом оказался без лифта. Руслан, отдуваясь, тащил чемодан, стараясь не чиркать дном по ступенькам. Аня хваталась за перила, лезла тяжело, едва поднимая ноги, по-старушечьи.

Казалось, что и квартира, их московская квартира, за дверью, которую впереди придерживал Руслан, легла. Широкий подоконник на кухне встал вертикально, подушки с кисточками съехали с него, пузатый буфет темного дерева теперь лучше не открывать, иначе вывалится и перебьется сервиз с рябинами: тонкие фарфоровые чашки и блюда, разрисованные гроздьями алых ягод. А что же спальня? Кровать стоит на резной спинке, едва удерживая матрас и золотистое, подоткнутое покрывало. Лепнина обрамляет белую стену напротив кровати, будто сбежавшую картину, потолок стал бирюзовым. Овал горизонтального зеркала в прихожей, куда, не теснясь, можно было вдвоем бросить взгляд перед

уходом, теперь оказался на полу (не раздавить бы!), а в ванную придется ползти по-пластунски.

Ванну, изящную белую чашу, которую Руслан называл «Людовик», было особенно жаль. Вдруг треснула? У Ани часто стыли ноги, так, что не уснуть и в шерстяных носках. Тогда она наполняла ванну теплой водой, забиралась минут на двадцать, читала или рассматривала узоры плитки, потом уже шла в кровать. Руслан всё порывался заменить «Людовика» душевой кабиной: в душе постоишь подольше — согреешься. Он всё искал им трешку в современном стиле, потому решил интерьер не трогать. Как купил квартиру в «классике» с мебелью, так и продать рассчитывал.

Аня ту московскую квартиру полюбила. Из окна на кухне — вид на Битцевский лес. Было в этом что-то усадебное. Открываешь синие портьеры, а там всё белое от снега или макушки деревьев зеленеются, колышутся. Или пестрит осень. Небо. Птицы.

А ведь тогда, в самом начале, они были счастливы.

В белградском жилище всё стояло ровно. Это был другой, совсем другой дом.

Первое, что бросилось в глаза, — пустота. В огромной прихожей — тумбочка да узкий шкаф, на нем полоска зеркала. И всё. Будто куцый галстук

на груди толстяка, забывшего где-то пиджак. В прихожей ламинат, дальше паркет. Настоящий, елочкой, только выложен скверно. Аня ступала робко. Не хотела тревожить этот незнакомый дом. Плашки паркета западали под ногами, точно клавиши онемевшего пианино.

В гулкой гостиной лишь громоздкий диван да плоский экран напротив. Голые бледные стены. Рёбра длинного радиатора. А над ним — четыре квадратных окна вовсе без подоконников. За стеклами — два тусклых фонаря. Серая громада здания через дорогу.

Руслан подошел сзади, обнял Аню, поцеловал в шею, царапая щетиной.

Аня кинулась задержать портьеры, но, только подойдя вплотную к окнам, сообразила, что и штор нет. Выпирают на рамах сероватые рулетки от наружных жалюзи. Руслан потянул трос, Аня вздрогнула от грохота пластика и металла.

Жалюзи разом закрыли половину окон. В двух оставшихся отражались потемневшая Аня и голова Руслана из-за ее плеча. С улицы стекло царапали тощие ветви. Что за деревце — не разобрать. Листьев на нем не было. Все-таки и здесь зима.

Руслан погасил свет — и Аня в стекле исчезла. Он снова притянул ее к себе. И тут по его лбу замелькали рыжие квадратные отблески, на улице что-то залязгало, задрезало. К мусорным бакам подъехала уборочная машина с мигалкой.